

сосредоточен не на этой мысли, а на попытках найти личный выход, убежище в жестко запрограммированном мире.

Все эти сознания суть ипостаси высшего сознания автора. В них раскрываются разные грани его позиции. В первом и во втором сознаниях внимание сосредоточено на абсолютной детерминированности всего сущего. Третье сознание вырастает на их базе («Вот, оказывается, к каким внутренним результатам приводит последовательное приятие мысли о запрограммированности и закономерностях»). Наконец, четвертое сознание вырастает на базе третьего: это попытка избежать страшных следствий убеждения в жесткой запрограммированности всего сущего.

Утверждая мысль о безраздельном господстве враждебных человеку закономерностей, Баратынский неустанно полемизирует с представлениями о благозвучном мире и свободном человеке. Они входят в его лирику как чужие сознания, которые и воспроизводятся, и оспариваются. Это относится прежде всего к концепции мира, выраженной в классицистической и сентименталистской литературе.

Как убедительно показала И. М. Семенко, в первых пяти строфах «Осени» Баратынский тщательно воссоздает жанр описательно-медитативной элегии. Воспроизводятся синтаксические ходы и специфическая лексика, вызывающие в сознании читателя образный строй русской поэзии XVIII в. с ее убеждением в гармоничности мира и великих возможностях личности. Это и есть здесь то чужое сознание, которого Баратынский не приемлет и в ложности которого он убежден. «Ни рационалистический оптимизм мышления, ни красота мира, ни сладостная меланхолия возвышенной души, ни растворение в мировой гармонии, ни вера в общение людей, ни вера в бога не способны противостоять безграничному „разуверению“. Все это, по Баратынскому, великие иллюзии, и они рушатся в „Осени“ одна за другой»⁹. Радостному и уверенному торжественно-гармоничному чужому ложному сознанию противопоставит истинное — мятущееся, сломленное, обреченное на одиночество («Один с тоской, которой смертный стон Едва твоей гордыней заглушен») ¹⁰.

Оба эти сознания даны в стихотворении не просто рядом и одно за другим: они соотнесены и воспроизведены так, что за каждым ощутимо другое. О гармонической картине мира в первых пяти строфах Семенко пишет: «Здесь достигнуто невозможное в XVIII в. совершенство каждого слова» ¹¹. Так описать мир разума, порядка, света и тепла можно лишь тогда, когда он навеки утрачен — из бездны. Так что за его картиной сквозит другая: за осиянностью — мрак, за высоким строем — хаос, за разумностью — потрясенность сознания. А когда человек, чьи душевные муки раскрыты в строфах VI—XVI, мечется и тоскует, то за картиной его душевного ада сквозит память об утраченном рае. И влечение к нему тем неотступнее, чем сильнее убеждение, что его уже никогда не будет.

Так сталкиваются и взаимодействуют в пределах стихотворения разные сознания. То, что обнаруживается в «Осени», характерно для лирики Баратынского в целом.

Баратынского, в отличие от Пушкина, не интересуют ни историко-культурные стили в специфичности каждого из них, ни тем более стили индивидуальные. Он весь во власти открывшейся ему реалистической истины, и воспроизводит он в своем творчестве, споря с ними, крупнейшие стили, соответствующие целым дореалистическим методам, которые он отрицает. Чужой стиль-метод — вот что воспроизводит и оспаривает Ба-

⁹ Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М., «Художественная литература», 1970, стр. 267—268.

¹⁰ Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений, Л., «Советский писатель», 1957, стр. 190 («Библиотека поэта», большая серия). В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

¹¹ Семенко И. М. Поэты пушкинской поры, стр. 267.